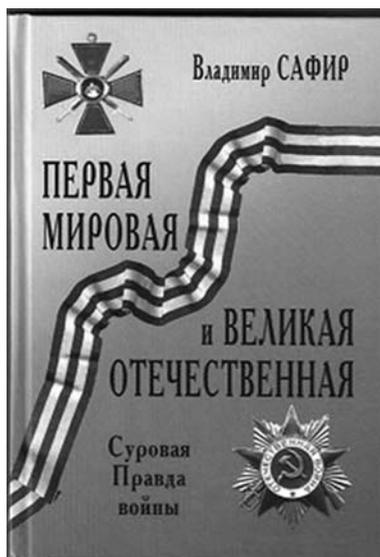

ВЛАДИМИР САФИР,
полковник в отставке

*Стой! – Пароль «Мушка»
Знаешь?
– Знаю.
– Проходи.
(армейская быль).*

КАК МЕНЯ СПАС НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

В последнее время о нашей Армии, ее истории и существующих в ней порядках развернута достаточно активная дискуссия в основном по двум, а точнее по трем наиболее большим точкам – военная реформа, дедовщина и юбилей «Победы» Вооруженных Сил в составе антигитлеровской коалиции над немецкими захватчиками. Однако не следует забывать, что **вклад нашей Армии и Народа в ее достижение является основным и главенствующим.** Необходимо так же помнить, что именно наша Армия (и народ) по вине (в первую очередь) партийного (И.В.Сталина, КПСС) и военного (Г.К.Жуков и ему подобных) руководства, понесли совершенно неоправданные неисчислимые потери, превосходящие потери противника на восточном фронте как минимум в 5 раз («За Россию заплатили Россией»). Это уточнение реальных событий Второй Мировой и Великой Отечественной войн представляется

уместным, так как в наши дни определенная часть ветеранов (конечно, не вся!) пытается приукрасить ход реальных событий в ВОВ. Они умышленно занижают количество понесенных нами потерь, говоря тем самым, порядка 6 млн. человек, что они в этой войне как бы и не участвовали. К этим «знатокам» истории присоединился мощный хор «громко-вещателей» на ТВ (А.Проханов, Г.Зюганов и др.) «сказко-историков» (И.Пыхалов, А.Исаев, М.Гареев, Б.Невзоров и т.п.) и московские власти. Вся эта когорта долдонит в унисон одно и то же: «И.Сталин выиграл войну. Он был Верховным Главнокомандующим». Ну что можно возразить подобным «патриотам», неуважительно относящимся к прошедшим трагическим событиям? К сожалению они умышленно искажают (фальсифицируют!) историю войны. Ну, прямо по Л.Толстому – «ничего не знают и ничего не хотят знать». Прикидываясь эдакими «митюхами» (по Сталину), они подобной безграмотной по отношению к истории ВОВ трепотней пытаются увести от ответственности главных виновников этой чудовищной бойни мирового масштаба, в которую КПСС и ее Вождь ввергли народы нашей страны. Видимо именно таких моральных пустозвонов имели в виду авторы известного афоризма: «Люди не знающие собственной истории из народа превращаются в толпу». Прикрываясь тем, что должность Главковерха на нашу голову занимал Сталин, почему-то забывают назвать его «достижения» на этом поприще, а точнее гигантские по своим масштабам катастрофические провалы (как в довоенные так и в начальном периоде войны), приведшие к неоправданным многомиллионным жертвам Армии и Народа. В данном случае получается как у Ленина: – «по форме правильно» (был Главковерхом), «а по существу – издевательство» (умышленное сокрытие преступных решений и итогов деятельности на этом посту). Заодно эти фальсификаторы почему-то умалчивают о роли Союзников в «сталинской победе» и не приводят оценки их любимца Жукова («браконьер русского народа» – по В.П.Астафьеву) о том – смогли ли мы выиграть без этой помощи войну и смогли ли устоять (подробнее об этом ниже).

Все эти перечисленные выше темы, достаточно широко освещались на страницах журнала «Военно-исторический архив». Поэтому в рамках настоящей статьи нет необходимости анализировать их более подробно. У меня же, отслужившего практически без замечаний в рядах нашей Армии чуть меньше полвека (44 года), возникла естественная потребность произвести для себя эдакую персональную оценку всего того, что я видел в Армии – порядки, взаимоотношения офицерского (и солдатского) состава и другие особенности армейской службы. Однако сразу оговариваюсь, что оценка эта сугубо личная и у некоторых моих кол-

лег – ветеранов подобные персональные впечатления, естественно могут иметь как незначительные, так и существенные отличия – «каждый акын поет свою песню – что вижу, о том и пою». И еще – я исключаю из своего анализа выводы о довоенном составе офицерского корпуса, значительную часть которого составляли бывшие офицеры царской армии. Те, которых я видел (и знал) в детстве до войны, в «Выстреле» и академии БТ (ВАММ) – это недобитое Сталиным высококультурное сообщество офицерского состава, для которых Честь, Личное Достоинство и Благородство были как бы неотъемлемым компонентом их крови. К сожалению, современное офицерство об этих показателях имеет довольно смутное представление. Если совсем коротко – это был «другой профсоюз». Поэтому из моей сравнительной оценки я их, естественно исключил.

Что послужило основой моего анализа?

Вот «творческий» ранжир: – артспецшкола (Москва) – артучилище (Красноярск) – война (Западный фронт, 33А, 557 пап РК, командир огневого взвода) – академия – испытательный полигон (Кубинка) – военная приемка ГБТУ, 4 ГУМО (ЗИЛ, Карачаровский з-д) – ГСВГ (военпред УНТВ, зампотех 67 гв. МСП, старший военпред УНТВ) – 3 Управление Генштаба (10-й отдел) – аппарат зам. МО СССР по вооружению (14 управление, зам., потом нач. 3 отдела) – отставка. При таком раскладе «нахлебался по полной», поэтому практически имею все основания утверждать, что армейскую службу, ее будни познал во всех ипостасях.

Если же меня спросить – доволен ли я сложившимися порядками, то чистосердечно признаюсь – скорее «нет», чем «да». Вот краткий перечень главных недостатков в очень «послушной армии» (чего Сталин и добивался):

- отсутствует (не просматривается) реальная юридическая защищенность командного (да и солдатского) состава;
- недостаточный культурно-образовательный уровень в первую очередь офицеров;
 - сплошной «мат – перемат»;
 - соцсоревнование, достаточно длительное время, присутствие которого как крайне вредного для армии мероприятия, породило в первую очередь очковитирательство в совершенно неприемлемых размерах;
 - дедовщина, смертность, самоубийства;
 - бедное (точнее – жалкое) существование офицерского состава (дежное содержание, жилье и т.п.);
 - научно – обоснованная уже всероссийская вертикаль – «я начальник, ты дурак...» (концовку знают все).

*Последнее фото выпускников
3-й спецартшколы.*

*Справа налево – Б.Павлов,
А.Захаров, В.Сафир.
Прокопьевск, июнь 1942 г.*

Вообще-то список этот можно продолжать, но остановимся («караул устал!»). Ну а на столь грустном фоне попадались ли «отцы – командиры» в лучшем понимании смысла этого словосочетания? Да, были и хорошие, но «других», к сожалению, было больше. Вот кто запомнился.

В спецшколе политрук Е.Миркин, который в эвакуации школы (Прокопьевск) в ответ на наши жалобы бросил клич: – «Баня? Будет баня!!» И через 3 дня он свое обещание выполнил. Вот это был для нашей замызанной братии настоящий праздник!

В училище наш 73 взвод ВТР («взвод творческих работников» – свод всей спецшкольной самодеятельности) на мотив «Марша артиллеристов» («Там где пехота не пройдет...»), пел своему командиру: «И пусть Халемский, лейтенант, гордится взводом ве-те-эром». Но его я запомнил надолго не за слова этого марша. Будучи однажды дежурным по конюшне я, выполняя приказ другого комвзвода (Кудрявцева) временно отдал ему лошадь Халемского («Рогач»). И тут, как снег на голову, появляется ее хозяин. После вопроса: «а где Гагач?» и моего ответа, он буквально взвыл от ярости: «Стегва! Четыге нагада! С лошадьми овес жгать будешь!!» Дальше – хоть в книгу Гиннеса – каждая моя с ним встреча оканчивалась одним и тем же: «Четыге нагада!» (иногда меньше). И получилось, что количество счастливых моментов «жгать овес с лошадьми» за полтора месяца я довел до «ттидцати четыгех». За это время наконец мы поняли что такое «кгинес пушки четыгеста ттидцать миллиметров» и что такое 53о мороза (команда – «лошадей из конюшни не выводить, с курсантами на улице – занятия «пеший по конному!»). Правда через 10 минут это самоубийственное мероприятие прекратили и мы, ворвавшись в конюшню, в первую очередь судорожно вцепились в лошадиное подбрюшье, пытаясь отогреть хотя бы заочечневшие руки. Потешился комвзвода и на вольтижировке. Гоняя на корде по кругу лошадь, у которой я болтался под брюхом, тщетно пытаюсь взобраться поближе к седлу, Халемский длинным хлыстом попадал раз по лошади, раз по мне, воодушевляя непонятной, но подбадривающей командой: «дегжись, индус!» И еще. Не берусь утверждать, что все ночные учебно-

боевые тревоги с выходом батареи (со всем конным хозяйством) километров на 6 к урочищу Бадалык (где-то рядом была д. Овсянка великого В.П.Астафьева) начальник училища полковник М. объявлял будучи «в переборе». И хотя все были в этом уверены, я же привык к строго документированным подтверждениям, а в этом случае «документалистика» отсутствовала ... Версия?

* * *

Фронтные впечатления о «собратьях по оружию», в основном, были положительными. Личный состав моего огневого взвода (расчеты двухорудийной 5-й батареи, позывной «Вишня») 2-го дивизиона 557 ПАП РГК был отлично подготовлен. И хоть мне, 18-ти летнему лейтенанту они казались «дедами» (им было по 40-50 лет), относились они ко мне по-отечески. Но и я не выпендривался, в меру был строг, но заботлив и справедлив. Они это сразу оценили. Хорошо до сих пор помню наводчика 1-го орудия Кузина, из расчета – Бурцева, Москвичева (когда его увозили раненого после налета – только не прыгал в кузове от радости), рыжего тракториста Зубрилина. Он и его коллега раньше всех реагировали на первые пристрелочные снаряды немцев перед основным налетом. Они, не теряя ни минуты, сметая все на своем пути, ударили на тракторах в сторону от огневой позиции.

Коль скоро я отметил трактористов, то невольно вспомнил о «ленд-лизе», незаслуженно и постыдно забытом нашими «патриото-идеологами». Мои два бывших колхозных трактора, имея двигатели с зазорами между поршнями и гильзами размером с палец, с трудом тягали наши семитонные пушки. Наш комдив только один раз с секундомером в руках пытался определить оперативность смены нами огневых позиций. Однако как только трактор вытащил из окопа первую пушку, она тут же осела в мягкий грунт на плиту, превратившись в этакий бульдозер. Дело в том, что местная полуболотистая земля имела давнюю, но малоизвестную оценку: «Бог создал небо и землю, а черт Ельню и Смоленскую губернию». Только подцепив второй трактор (опять пресловутый «тандем»), удалось вытащить орудие на сухое место. Вот тут мне и следовало бы пожалеть, что из 9000 артиллерийских тягачей знаменитой фирмы «Caterpillar» нашему полку ни одного «не отстегнули». Однако очевидно, что повезло очень многим нашим коллегам. Ну а комдив, без труда поняв, что самым смешным в подобной ситуации является наличие секундомера, ничего не сказав, молча удалился на свой КП. Только мы его и видели... Хорош был помкомвзвода Овчинников, видимо вятский («товарищ лейтенант, чайник закипат!»). Не забыть и торчащую из окопчика голову худющего связиста, кричащего всегда одно и то

В.Н.Гордов, 1941

же: «Лейтенант Сахвир! До телехвону!». Только хорошие воспоминания о своих дивизионных коллегах – старших лейтенантов Ларикове (4-я батарея) и Сальмане (6-я). Командир полка был подполковник Ершов. Любил порядок. Самым строжайшим образом требовал оперативное оборудование орудийных окопов. Мы не спали по двое суток, пока не устилали тесанными бревнами пол, заглубленные до метра торцы, плюс грунтованная насыпь (0,5 м) по периметру. Имея такие оборудованные окопы мы могли быстро совершать «двороты», поворачивая свои семитонные «дуры», а также сохраняя их от осколков при налетах (кроме прямых попаданий в окоп). Поэтому наш полк, за четкое и своевременное выполнение команд при резко меняющейся обстановке, у командующего артиллерией ЗЗА генерала В.Бодрова прочно обосновался на первом месте. Дело в том, что например, летом 43-го ЗЗА занимала глухую оборону, окопавшись на некотором удалении от очень важной для немцев железной дороги Спас – Демянск – Ельня. И на нашу «артиллерийскую голову» командарм В.Гордов (которого в 1951 г. И.Сталин, узнав о некоторых критических оценках в свой адрес, быстренько расстрелял) где-то разглядел открытый участок этой дороги (~1,5 км) и приказал осуществлять артналеты на проходящие воинские эшелоны немцев.

Сейчас, глядя на карту (тогда у меня ее не было) я без труда определил, что это перегон между станциями Теренино и Ключки (там же мост через реку Демина, ~25 км от Сп.-Деменска и 12 км от ст. Павлиново, которую мы долбили регулярно). Задача была сложная, т.к. стрельбу из наших 122-мм дальнобойных пушек пришлось вести почти на максимальной дальности (19 км, заряд «полный»). Все усугублялось еще тем, что в сложившейся относительно «тихой» армейской обстановке только один наш дивизион вел огонь по проходящим эшелонам. Это был вариант, при котором мы были для фрицев эдаким «шилом» в известном месте. И они нам спуску не давали. Вот как это выглядело. Команда по телефону: «Из Спас-Демянска на Ельню поезд!» Далее уже я: «По местам!» (команда установки и количество снарядов оговорены заранее) – «10 снарядов беглым огонь!» – «Дворот!» (и еще 10 снарядов). Итого дивизион по эшелону успевал выпустить ~120 снарядов. А в ответ только моя батарея 2-х орудийного состава (а это для немцев цель ~10 м на 25 м – 2 орудийных окопа и 2 ровика) минут через 15

получала по схеме: 2 снарядов пристрелочных (уточнение звуковой за-сечки) – иногда 3-й бризантный разрыв (визуальный) в воздухе. А далее – основной («большой») налет не менее 200 снарядов. Но вот что меня поражало в те летние месяцы 1943 г. Мой далекий немецкий оппонент (то ли комбат, то ли комдив) с удивительным постоянством выдавал нам ровно 220 (!) снарядов. И мы, сидя в ровике, только считали (когда удавалось): «...215, 216 ... 219, сейчас сволочь, кончит». И точно – налет кончался! Обстреливали нас батареей 105 и 150-мм пушек, взрыватель или осколочный (что было предпочтительней) или фугасный – четкая система не просматривалась. Таких «больших» налетов, например, за июнь – июль мы получили 19, т.е. только моему взводу (батарее) немцы отгрузили порядка 4000 снарядов. Были потери личного состава и мат-части, но свой «элитный» полк В.Бодров восстанавливал очень быстро. Кроме крайне опасного и неприятного общения с немцами на дистан-ции 19 км взвод в те месяцы повседневно осуществлял артналеты по целям, расположенным от огневых пози-ций (ОП) в радиусе 6-12 км (ст. Павлиново, артбатареи, скопления войск и т.п.). Таких «номерных объектов» в моей записной книжке было аж 146 – только поворачивай-ся. Причем характер двусторонних обще-ний с немцами был примерно одинаков: мы ведем артналет по немецкой батарее – они естественно, тут же стрельбу прекращают и – по ровикам. Мы же, удовлетворенные, завершаем стрельбу по команде: «Стой! За-писать! Батарея подавлена!» Правда, как правило, уже на следующий день «пода-вленная» батарея благополучно напомина-ла нам о своем существовании. Так же и мы при обстреле все бросали и, кто быстрее, – в ровики. Но ко времени вновь вести огонь – воскресали. Все эти частично укороченные налеты мы называли «малыми». Немецкие артиллеристы, кстати, очень внимательно отслеживали все наши действия, переме-щения и др. Например мы, перебравшись на новые позиции в р-н Холмы, Гнездило-во, целый день очень осторожно, аккурат-ненько редкими одиночными выстрелами

*В перерыве между ар-
тналетами. Командир
огневого взвода лейте-
нант В.Сафир (33 А, 557
ПАП РГК, р-н Вскоды,
июнь 1943 г.)*

пристреливали «репер» (основной ориентир) – сухое дерево. Утром проснулись, а дерева нет – немцы его спилили («на палубу вышел, а палубы нет»). Наш «номер» не прошел – пришлось выбирать другой «репер», менее удобный. Но надо отметить, что при стрельбе, особенно на большие дистанции, как у нас, так и у немцев возникали, естественно, определенные ошибки. Все зависело от точности засечки стреляющих батарей: днем – по звуку (реже авиаразведкой), в темное время – по всполохам. А так как исходные данные (и точность стрельбы) при этом немного «гуляют», то огонь ведется не на одной установке прицела. Ее меняют (например, «вперед три, назад два» и т.д.) – тем самым как бы «прочесывая» район цели.

Мы же, сидя в ровике, сразу определяли по первым основным разрывам сколь точно пристрелялся противник («угадал», «не угадал»). О том, что творится снаружи (примерно «угадал») мы, забившись в ровик и получая контузии, ранения, теряя сознание и т.п. имели смутное представление. И только однажды мне довелось увидеть собственными глазами что это такое. Моя батарея меняла огневую позицию. Сальман (6-я бат.) свою ОП занял раньше нас и успел отстреляться по цели. В это время два моих орудия тащились по дороге метрах в 250 от их ОП. И тут вдруг начался по 6-й батарее огневой налет. Это только в кино показывают (подбрасывая канистры с бензином) огонь, черный дым столбом и т.п. Я же увидел нечто другое – какое-то клокочущее черно-бело-серое месиво, из которого летели во все стороны клочья земли, стволы деревьев и осколки, долетавшие до нас. Я залег под деревом, наблюдая эту жуткую картину, все детали которой помню по сей день. К счастью для Сальмана это был налет в варианте «не угадал» и мои коллеги на этот раз отделались только испугом.

Но вот однажды июльским утром, после стрельбы по немецкому эшелону, мы попали под «большой» налет на нашу батарею, когда немецкий оппонент, выпустив свои традиционные порядка 220 снарядов, к сожалению «угадал». Но и здесь нам сопутствовала относительная «везуха» – стрельба велась в более благоприятном варианте: 105-мм (вместо 150-мм) осколочными снарядами (последствия при обстреле фугасными были бы более губительные). Как результат – трое контуженных (один из них тяжело). Я на короткое время был оглушен и потерял сознание, но быстро оклемался (осталось малозаметное заикание). У одного орудия был разбит щит. Короче – отремонтировали все быстро и только по одной позиции восстановление, к нашему неудовольствию, затянулось на двое суток. Дело в том, что мы собрались завтракать и в 5 метрах сзади первого орудия (с этого места я, как правило,

истошным голосом выкрикивал команды, как мула на минарете) аккуратно собрали в плотный кружок все наши котелки. После налета вместо котелков в наличии была только воронка диаметром в 1 м без малейших следов их присутствия. И вот в обед вдруг прибывает компания Ершов. Для нас – событие! Он, как правило, стрельбу проводил сам, реже комдив Топор (ударение на первом «о») и совсем уж реже комбат Макаров. Поэтому довольно часто мы слышали по связи такие указания: «ТопОр, в бога душу! Кто там у тебя лупит 400 м вправо?!» Вопрос схоластический, ибо комдив, даже превратившись в топор, при беглом огне дивизиона определить халтурщика практически не мог. Во всяком случае я ни разу к подобным разборкам не привлекался, т.к. оба мои наводчика были высочайшего класса. Тем временем подполковник Ершов, расположившись на пригорке метрах в 20 за моими позициями, созвал комдивов и комбатов. Вот что я услышал: «Ну что же, еще разок с этой позиции проведем огневой налет, потом ее поменяем». У меня внутри что-то заныло. Я понял, что уж со второго раза на этом месте немец нас уж точно «доканает». Комполка со свитой уехал. У меня, молодого лейтенанта, только эта фраза Ершова и сидела в голове, как заноза. Каких-то претензий к командиру полка тогда не возникало – он был для нас как некое светило. А вот сейчас, когда я описываю эти незабываемые эпизоды, у старого воина вдруг мелькнула мысль – «а ведь почему-то не подошел ни к расчетам, ни ко мне. Будем считать, что немного «расплескал образ». Правда по дороге на свой КП он все же передумал и мы, возрадовавшись, двинулись оборудовать новую огневую позицию. Жизнь продолжалась! Что касается «негатива» то здесь по отношению ко мне засветился только политрук Полтинин. Я, еще ничего не зная об особенностях фронтовой жизни, только-только проведя первую боевую стрельбу, «рубал» с ним кашу в легком укрытии. Он молчал, молчал и я. Вдруг, прислушавшись к каким-то звукам, Полтинин резко отбросил котелок и, не сказав мне ни слова, стремглав выскочил наружу, укрывшись (как я потом выяснил) в блиндаже с более мощным покрытием. Тут же начался налет и я храбро заполз под стол – это было первое переживание с благополучным исходом (режим – «не угадал»). Кстати, эта домошенная квалификация налетов у других артчастей была, естественно своя. Может кто-то определял ситуацию, как наш артполк, а кто-то имел иное восприятие, а отсюда и другие оценочные показатели.

* * *

Академический период запомнился общением с очень грамотным, интеллектуально мощным преподавательским коллективом. Однако один эпизод все же довольно прочно застрял в памяти. Идет курсовое

Б.Л.Васильев

собрание в самой большой аудитории (412). Проводит его начальник факультета Генерал С.С.Миловидов (доктор т.н., профессор и пр. пр.). На верхнем ряду амфитеатра Борис Васильев шушукается со своей будущей женой Зорей, я на среднем ярусе сражаюсь с Юркой Штолем («Штопор») в «морской бой». В общем – «все путем». Начинает выступать замполит майор Борисов. Обращаясь к нам, непутевым в его понимании, он изрек: «Хочите Вы или не хотите, но в лабороторию, ходить будете с песнями!» То есть, следовало строем, с песнями, смеша этим убогим зрелищем гражданскую публику на протяжении 2 км, проследовать на конечное кольцо трамвая №29 (недалеко от Энергетического института) где находилась лаборатория кафедры автомобилей (нач. кафедры академик Земелев, в последствии «парень с нашего лефортовского двора» Володька Медведков – «бублик»). Однако мы уперлись и, идя в лабораторию «песнями» гражданскую публику не веселили.

И вот что еще запомнилось. У отдела боепитания начальник нашего курса Герой Советского Союза майор Богдасаров проводит построение личного состава. Зачитывает приказ: «Лейтенанту Фунтову присвоить звание «старший техник-лейтенант». А я возьми и брякни – «и впредь именовать Килограммов». Общий смех. Богдасаров, зло посмотрев в мою сторону, рявкнул: «Разговорчики!».

* * *

Ю.Л.Штоль

А далее – Кубинка. На испытательном полигоне я буквально 4 года не слезал с танков. Был еще молод, полон сил. Порой без обеда, без ужина «нагоняли километраж», плавая на трассах по башню в грязевой жиже, гоняя на максималке по 170-190 – км за смену вдоль Иртыша по гладкой заснеженной степи (как по дну соляного озера) в сторону Ачаира (испытания в условиях низких температур) и т.п. Сразу должен отметить, что молодой коллектив испытателей был очень дружный. Сколки отсутствовали, всегда выручали с подменной друг друга. И эту блаженную картину дополнял

высококультурный начальник нашего 1-го отдела Сергей Викторович Дорогин. Каждого из нас он, без модных в армии окриков, сумел довести до уровня опытных испытателей. «Во-первых строках» посадил меня на новый тяжелый танк ИС-4. Машина была очень капризная – много планетарных рядов в сочетании с фрикционами. Я, как суслик, все время высовывался из башни и вертел головой вправо – влево, пытаясь определить где на этот раз что-то подгорает. Предупредили – при ладометрировании (давление под катками) смотри, чтобы Главный конструктор не подсунул шведские подшипники. Справился. С этой машиной участвовал в сравнительных испытаниях на огромном заснеженном поле (р-н д. Агафонова, западней Кубинского аэродрома). Машины по системе «гандикапа» пускали друг за другом с интервалом в 10 минут. Участники: ИС-4, новый тяжелый танк Т-7, средний танк, ИС-2. Испытательную группу возглавлял Геннадий Михайловский (ее состав приведен на ф.). И здесь произошло запомнившееся мне Происшествие №1. Испытания заканчивались. На подходе был только Т-7. Мы все сгрудились на обочине дороги. Сзади 2-х метровый вал снега. Но вот вдали показался Т-7, ведомый лучшим кубинским механиком Федоровым. Танк

Испытатели танков (слева направо – Сафир, Херсонский, Панченко, Кабушко; 2-й ряд – Михайловский (старший); 3-й – Федоров. Кубинка, 1950 г.

летел на большой скорости, имея двигатель более 1000 л.с. Не знаю что и куда меня кольнуло, но я всем предложил переместиться за снежный вал. И тут, как нарочно у Т-70 что-то где-то заклинило и он, подлетев к тому месту, где мы только что стояли, вдруг резко рыскнул вправо, вздыбив кучу снега. Но нас там уже, слава богу не было. Вот и получилось, что всю команду коллег – испытателей мне удалось спасти от верной гибели. Потом я гонял с огромным удовольствием легкие десантные АСУ-57 Астрова, участвовал в испытании средних танков заводов – изготовителей («головного», «горлового» и «хвостового») в условиях низких температур (г.г. Омск, Ачаир).

Но вот я дорос и до вершины карьеры испытателя – назначен ведущим инженером Госиспытаний одной из двух совершенно новых (с конструктивно – революционными решениями) машин Горлицкого (Свердловский з-д «Уралмаш»). Я имею в виду об. 123 и 124 – гусеничный бронетранспортер (я проводил первичные Госиспытания (ГИ) и самоходка Су-100п с открытой вращающейся башней (проводил повторные ГИ), У тех машин все конструктивные решения были новые – двигатель (320 л.с.) и коробка впереди, рычаги управления с гидроусилителями, 6-ти скоростная преселекторная коробка передач (т.е. водитель на марше заранее устанавливал необходимую передачу и в нужный момент включал ее). Невиданная для тех лет подвижность при удельной мощности (19 л.с./т) и др.

Почти 20-ти тонная машина, имея отличную подвеску, буквально летала (мы ее звали «конь с яйцами»). В те годы (первичные ГИ в Кубинке, 1949 г., повторные – в Ораниенбауме, 1950 г.) нас еще пускали корезить покрытие основной Минской автотрассы. Самый ровный километр (41-й) был от Москвы до развилки на Голицыно. И вот там эти машины развивали скорость от 75 до 80 км/час (в зависимости от износа венца ведущего колеса). Однако автора этой уникальной машины практически никто на слух не знает. Причина проста, как водопроводная труба – фамилия его была не Иванов.

Хотел бы еще добавить, что представили эти два образца на ГИ в Кубинке мои друзья – товарищи, свердловский военпред Борис Васильев и представитель КБ «Уралмаша» Зоря (теперь уже Васильева). Но вот пришло время поговорить и о происшествии №2, коль скоро все произошедшее в значительной степени соответствовало сложившимся армейским взаимоотношениям «командир – подчиненные». Итак – 1950 год. Повторные госиспытания Су-100п, проведение которых поручено мне. Базируемся в Ораниенбауме. Председатель Госкомиссии – зам. нач. ГБТУ генерал-лейтенант танковых войск Родкевич (в ВОВ – командир

танкового (механизированного) корпуса). Стиль его «руководства» – крик, брань с уникальными матерными вариациями. Первый шквал «разъяснений» обрушился на экипаж (и на меня) за то, что мы, пытаясь пробанить ствол пушки от замерзшей заводской смазки, не уложились в те нереальные сроки, которые Родкевич, будучи (мягко говоря) «не копенгаген» в технических вопросах, нам поставил. Дальше – больше. Начали движение по бездорожью среди сосновника и крупных валунов в сторону знаменитой Вороньей горы. Вблизи ее расположен «Павловский редут». Что это такое и какие упражнения отрабатывал на нем в те далекие годы император Павел я судить не берусь. А представлял он из себя огромный вал (насыпь) трапециевидной формы. Высота – метров 15-20. Верхняя прямоугольная площадка (оцениваю приблизительно, с тех пор прошло 60 лет!) размером 20 х 60 м. Склоны под 35 – 45°. Согласно методики испытаний на середине такого склона следовало остановить машину и, убедившись, что она не сползает, дать команду на спуск. Я рукой показываю лучшему кубинскому водителю средних машин Беликову – «давай, заползай». Машина без труда взобралась на верхнюю площадку и по моей отмашке начинает спуск. Останавливаю ее на середине склона. Су-100п стоит, как вкопанная. И только я собрался scomандовать – «Беликов, давай вниз!», как поймел счастье познать что такое наша армейская «генеральская этика», демонстрирующая преобладающий характер заимствованных с самого сталинского верха «метизных» отношений с «винтиками», «шайбочками» и, наконец, с безликим «военным материалом» – солдатами и офицерами. Родкевич буквально взревел: **«Стойте! Вводная! Внизу минное поле! Давай задний ход!»** Я

152-мм САУ «Акация» («база Горлицкого», з-д «Уралмаш», г. Свердловск)

с трудом придя в себя от столь нелепых и безграмотных в техническом отношении указаний, возразил: «Товарищ генерал! Этого нельзя делать, во-первых, потому, что методикой Госиспытаний подобные действия не предусмотрены а, во-вторых, попытка переключить передачу на таком крутом спуске (из-за возможности кратковременного движения 20-ти тонной машины вниз) может привести к резкому динамическому удару и, как результат, разрушению какого-либо узла трансмиссии». Далее Родкевич прокричал наиболее ценные, в сложившейся ситуации указания: *«Сафир! Х.. моржовый с дыркой в голове!! Я всю вашу Кубинку с ее дурацкой методикой разгоню к чертовой матери!!»* (справедливости ради следует отметить, что концовка этого пассажа звучала намного сочнее). Я указания Родкевича не выполнил и скомандовал Беликову – «давай вниз!» Исходил из того, что возможность получить взыскание за невыполнение явно безграмотной команды была мала. А вот чего не хотелось, так это услышать от своих коллег – испытателей оценку типа: «И для чего же тебя, балбеса, пять лет учили на инженерном факультете, чтобы ты принял решение, загубившее машину на Госиспытаниях?» Тут уж не отмоешься. Кстати, описанный случай с Родкевичем не был для него чем-то особенным. Генерал был верен себе, своему стилю общения «не с генералами». Чуть позже он возглавлял Госиспытания другой машины (ведущим инженером был мой друг детства Леша Херсонский). В ходе этих ГИ Родкевич, подыгрывая промышленности, в нарушение требований опять таки злополучной для него «методики», разрешал менять вышедшие из строя узлы. Лешка менял, но все замены своевременно записывал в акт испытаний. Самое интересное произошло на финише, когда он положил Председателю на стол для подписи Акт ГИ. Увидев количество включенных в акт замененных по его приказу узлов, генерал «обратно взревел»: – «убрать это все из акта!!» – «Не уберу!» – «А, сволочь!». Хватает телефон и бросает в капитана Херсонского. Генерал промахнулся, а Лешка ничего не изменил. Думаю, это сказала школа воспитания нас родителями: – преподавателями академической кафедры стрельбы А.Д. Херсонского и М.П. Сафира. Мой отец, выводя танковые и др. тылы ЗЗА в р-н Наро-Фоминска, заскочил ко мне, больному в артшколу (Москва, октябрь 1941 г., накануне эвакуации нас в Прокопьевск) и сказал: *«Служи честно, но не давай брать себя за морду»*. Могу смело утверждать – вот так я и служил.

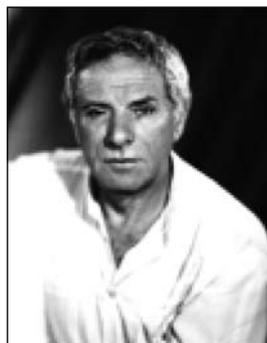
Потому и не получил положенного генеральского звания. Однако, как в песне – «но я ничуть об этом не жалею». Ну а что можно еще сказать о Родкевиче? В созданной Сталиным системе армейских взаимоотношений, возможно, считался хорошим командиром корпуса. У меня,

во всяком случае, нет оснований утверждать (хотя сомнения «имеют место быть»), что он относился к многочисленной когорте командиров – палочников («палководцев»), которые на наш позор расплодились в нежелаемых количествах в ходе боевых действий. Это постыдное для армии явление («система» во всей своей красе) имело многочисленных исполнителей. Дабы не повторяться, из этого огромного перечня подобных фактов, мало отличавшихся друг от друга по манере исполнения, приведу только один (как общий знаменатель). Автор – авторитетнейший фронтовик и талантливый кинорежиссер (не сторонник михалковских «лубков») – Петр Тодоровский («Новая», 23.04.10): «И вот я увидел... как ночью командир корпуса бил палкой по голове командира полка и приговаривал: «Если ты завтра не возьмешь эту деревню – расстреляю...». (no comment).

Во всяком случае, оценивая его (Родкевича) грубые отношения с личным составом, даже в мирное время, мало вероятно, что в условиях армейского беззакония в ВОВ (бессудные расстрелы, руко(палко)прикладство, необоснованная отправка нежелаемых в штрафбаты и т.л.) он мог быть «отцом – командиром» какими были, например, К.К.Рокоссовский, И.Д.Черняховский, М.Е.Катуков и им подобные. Полную же и объективную оценку Родкевичу могут дать те ветераны, которые с ним воевали (я же к их числу не отношусь). Что касается «мясника» Г.К.Жукова, то включить его в К.К.Рокоссовский список рука не поднимается. Тем более до сих пор не выходит из головы недавно опубликованный рассказ фронтовика Николая Никулина («Новая» 10.03.10) о том, как на автобане Зеелов – Берлин, всю его многочисленную свиту случайно обогнал водитель грузовика со снарядами Иван, спешащий подвезти их на огневую позицию. А дальше было вот что (тут я бы посоветовал своему любимому оппоненту «историку – сказочнику» А. Исаеву «взять в руки карандаш» (как он часто рекомендовал мне это сделать, хотя я карандашами не пользуюсь) и включить сей рассказ в его очередную, как всегда малодостоверную сагу о Жукове). Цитирую: «Твою мать! Догнать! Остановить! Привести сюда!» Через минуту дрожащий Иван предстает перед грозным маршалом.

– Ваши водительские права! Маршал берет документ, рвет его в клочья и рывкает охране:

– Избить, **обоссать** (выделено мной – В.С.) и бросить в кювет!»

П.Е.Тодоровский

К.А.Юшманов

А ведь Ивану сказочно повезло, ибо сей «зверюга» (по Байдукову) зачастую не отказывал себе в удовольствии расстреливать без суда (ну, например, как под Сталинградом 4-х летчиков из полка Героя Союза В.Зайцева (см. «МК» от 22.06.04 – «Позывной маэстро»)

Завершая кубинскую эпопею, не могу не вспомнить полковника Козлова (кажется, «особист»). По моим оценкам этот достаточно злобно настроенный офицер дважды «отличился» недостойными делами. Вначале, расплав что-то «отрицательное» у очень дальнего родственника моего однокурсника, отличного офицера Алексея Звонарева, сделал все, чтобы изгнать его из нашего дружного коллектива. Алексей же, попав в более благоприятные условия, где малоположительная роль замполитов, «особистов» и им подобных не оказалась превалирующей, был назначен в ГСВГ (г. Лейпциг) начальником крупного авторемонтного завода ЦАВТУ «Красная Звезда». Имевший большой авторитет среди сослуживцев, свою успешную карьеру Звонарев закончил тоже в должности начальника ремзавода ЦАВТУ, но уже в Москве. Второй случай произошел с одним из опытейших испытателей Костей Юшмановым. Я с ним в разных сменах испытывал десантные самоходки АСУ-57 на шоссе от Кубинки в сторону Дорохово. И вот вблизи Кубинки, из-за грубого недосмотра пастуха, на шоссе перед Костиной машиной вдруг выскочила корова. Скорость была большая, избежать столкновения было невозможно. Короче – коровы не стало. Дабы избежать ненужных разбирательств, Юшманов полностью возместил колхозу стоимость коровы. Казалось, что все вопросы решены. Однако на следующий день Козлов потребовал почему-то привлечь Костю к уголовной ответственности. Причину этого более, чем странного «заноса» мы определили быстро. Оказалось Юшманов посмел задавить персональную корову одного из наших маршалов, которая была «в штате» этого стада. И только после доклада начальнику ТВ С.Богданову ретивому Козлову пришлось уgomониться.

Ну, а напоследок немного о событиях, ничем не связанных с испытаниями бронетехники. В те годы с кубинскими летчиками (командовал дивизией И.Н.Кожедуб, если не ошибаюсь в полках были братья Микоян) у нас была довольно мощная сборная футбольная команда (я – вратарь). Мы без труда обыгрывали команды ближайших соседей – Таманской и Кантемировской дивизий. И вот летное командование попросило

меня быть судьей финала дивизионного кубка между полками. Что запомнилось – обращение, видимо, к Микоянам (в надежде получить пас) звучало так: «Мой командир! Мой командир!» Летное начальство мое судейство оценило на «отлично». И только болельщики проигравшего полка, используя какую-то авиационную специфику, вместо традиционного клича – «судью на мыло!», истошно орали – «судью на пре-

*Командир 67 гв. МСП Б.Монастырский,
замполит Сорокин (слева),
зампотех В.Сафир (справа)*

зервативы!» Командование поставило мне стакан водки и судья сдуру, всю емкость «принял на грудь». За последующие 10 минут пока японский колесно-гусеничный вездеход вез меня домой на полигон, я, впад в состояние, аналогичное тому, когда рефери на ринге объявляет – «Секунданты! Аут», усвоил на всю жизнь, что «норма» эта не для меня.

Подводя эдакий промежуточный итог за прошедший без малого 20-летний период службы, достаточно оснований утверждать, что четко прорисовывается очевидное преобладание негативных примеров сложившихся в Армии взаимоотношений «начальник – подчиненный» над позитивными (у кого-то они естественно могут отличаться). Практически если в советско-партийной системе господствовала «номенклатура и другие», то в Армии она трансформировалась в «генералы и другие». Автором этого вывода я, естественно не являюсь, ибо подобные оценки уже неоднократно озвучивались. И хотя их тут же («не отходя от кассы») верные прихлебатели подвергали резкой критике, суть этого явления не менялась («живет и здравствует»). Сохранилось оно и по сей день.

Но вот однажды на фоне достаточно длительного общения с редкой порослью хороших командиров – начальников со мной произошел удивительный случай, травматические последствия которого столь прочно западали в душу, что забыть его я уже физически не могу. А начиналась эта история так.

Член знаменитой «команды лейтенантов», заслуженный мастер спорта Вячеслав Соловьев (в 1950-х г.)

В начале 1959 г. я получил назначение на должность зампотеха 67 гв. Мотострелкового полка 20 гв. МСД (г. Гримма, 27 км на юго-восток от Лейпцига). Полк «придворный» (штаб дивизии за забором, вход свободный через калитку). Командир – полковник Борис Лазаревич Монастырский. Незадолго до моего прибытия дивизию возглавил (вместо не преуспевшего Ямщикова) полковник Николай Кузьмич Сильченко (на вид суровый, но очень порядочный). Он приятно поразил меня своим выступлением на домашнем обеде, который устроил комполка для «узкого круга». Монастырский представил начштаба, замполита. Очередь дошла и до меня с женой: «Вот мой молодой зампотех Сафир с супругой». Сильченко оживился и, обращаясь ко мне, спросил: «а что, Михаил Павлович не Ваш отец?» – «Мой». Тогда он сказал: «По роду своей

Первый послевоенный матч на московском стадионе «Динамо». Команда академии БТВ (справа налево): 1-й нач. кафедры ФИЗО мастер спорта Б.Михайлов, вратарь – В.Сафир (2-й), И.Сорочинский (3-й), В.Андреев (7-й) и нач. курса Карасев (10-й).

службы в штабе Главной Инспекции я должен был контролировать работу инспекторов. Но там, где стояла подпись «Сафир» мне делать было нечего». Да, не буду скрывать – неожиданно услышать искренний комплимент о работе отца было очень приятно. Комполка с самого начала относился ко мне очень хорошо. Думаю потому, что видел мое старание и желание подтянуть всю техническую службу полка на более высокий уровень. В двухэтажном доме наши с ним квартиры были на одной площадке. Очень часто, приоткрыв верхнюю витражную часть моей входной двери, Монастырский буквально рычал (у него был мощный бас): «Лидия Ивановна! Князь дома?» Честно говоря, я так и не понял, почему получил столь благозвучные прозвища.

Немного отвлекусь – негласная (и гласная) привычка «одаривать» не только начальство, но и своих сослуживцев – товарищей всевозможными прозвища-

Традиционный «матч гигантов» ЦДКА – «Динамо» (Москва), 1949 г. Справа налево – армейцы Вяч. Соловьев (лежит), Мухортов (2-й), А.Гринин (5-й); динамовцы – А.Соловьев (№6) и М.Семичастный.

Фото Л.Доренского.

Корифеи армейского и отечественного спорта (слева направо) В.Бобров, Е.Бабич и «примкнувший к ним» В.Сафир.

Гургуф, 1956 г.

ми и кличками (учитывая особенности характера, манеру поведения, взаимоотношений и др.) была распространена повсеместно. Например Начальник 3 Управления ГШ, увидев меня, входящего в его огромный кабинет (бывший Б.М.Шапошникова), хмыкнул и явно с усмешкой произнес – «профессор явился». Скорее всего, его раздражали элементы интеллигентности (как результат отличного домашнего воспитания), от которых я физически избавиться не мог. Тем более что «отстрелялся» я успешно и вообще за 7 лет службы в Генштабе никаких замечаний не имел. Мы же непосредственных шефов в разное время называли «рыжий» и «живодер». После окончания академии я два сезона играл вратарем в 1-й клубной команде ЦДКА, в которой для поддержания формы в межсезонье выступали корифеи отечественного хоккея Тарасов, Бабич, Шувалов и Мкртчян. В те годы и завязалась моя крепкая дружба с самым умным и красивым (по моей оценке) футболистом Советского Союза лейтенантом Вячеславом Соловьевым. Окунувшись в гущу спортивных и житейских приключений этого знаменитого армейского коллектива, запомнил почти все их клички и прозвища. Вот некоторые из них: светловолосый Леха Гринин – «Фриц», вратарь Чанов (старший) – «Черт», горластый хавбек Петров – «Граммфон», красавчик Меньшиков – «Китаец» (мобилизовался в Харбине), Женя Бабич – «Нужда» (к сожалению повесился), дублер Никанорова вратарь Веневцев – «Слон», Бобров – «Курносый», «Бобер». Сам Соловьев имел две клички. Одну – «Соловей», другую (от противников ЦДКА) – «балерина» (т.к. играл в высокотехничный, не очень модный в те годы футбол).

Вот за такие отличные броски (теперь это называется «сейв») В.Сафир и получил место в 1-й команде ЦДКА («парк МВО», Лефортово, 1949 г.).

Вечные соперники – Динамовцы: Якушин – «Михей», Бесков – «Барин», Трофимов – «Чепец», защитник Иванов – «Автоген». Такая «порода» есть и сейчас – отсечет что попало (руки, ноги, голову) лишь бы ударить по мячу (поэтому Г.Федотов и В.Бобров так рано кончили играть в футбол). Спартакровский вратарь Петров – «Балда» (блестяще поймал мяч при хоккейном пенальти, но,

уронив кепку в ворота, поехал за ней вместе с мячом). Гол, естественно, тут же засчитали! Теннисист Н.Озеров – «Бульдозер». Его постоянный конкурент Андреев – «Гиббон». Лучший джазмен Союза Вадим Людвиковский при жизни рассказывал мне, что своего руководителя оркестра Утесова они называли «Иванов». Отдельно следует сказать несколько слов о Тарасове («Троцкий»). Тренер, конечно был талантливый, но характер имел (мягко говоря) очень сложный – все свои оригинальные задумки сопровождал, как правило, безостановочными комментариями, приобретавшими зачастую балаганный оттенок. Поэтому не все спортсмены находили с ним общий язык (вплоть до непонимания порой его слишком «заумных» схем даже в сборной). К тому же работал Тарасов, как правило, только с лучшими хоккеистами страны – ему достаточно было показать пальцем на желаемого игрока (кроме «Динамо»), как райвоенком тут же призывал его в Армию (т.е. в ЦДКА). Все «излишки» он сгружал в Калининскую команду МВО (братья Щербаковы и др.). Когда я пришел в гости к своему хорошему знакомому, Заслуженному тренеру Владимиру Кузьмичу Егорову («Крылья Советов»), то он в спальне, показывая на кровать, сказал: «Вот под ней я прятал от тарасовских военкомов Хлыстова» (а тот был один из лучших нападающих сборной команды страны). Сам я имел контакты с Анатолием дважды, и все их следует отнести к разряду малорадостных. Играя вместе с ним в 1-й клубной команде ЦДКА против «Локомотива», мы схлопотали пенальти. И пока железнодорожник устанавливал мяч, Тарасов, не закрывая рта, давал мне «ценные указания» – в какую сторону, гадая мне бросаться. Я, пропустив весь этот словесный поток мимо ушей, решил сыграть «на реакцию», считая, что бьющий тоже волнуется (мне и сейчас как-то стыдно за некоторых известных вратарей, когда им бьют влево, а они валятся вправо, и наоборот). Короче, удар в левую от меня сторону я сумел отбить «без гадания». Вторая встреча произошла на летних кортах в ЦДКА. Я играл с гребцом майором Олегом Лопатто («Лопата»). Чуть позже на соседний корт пришли Тарасов и приглашенный им знаменитый тренер шведской сборной (фамилию уже забыл). И тут Тарасов выдал такой – крик, сомнительные остроты и комплименты «не первой свежести», что я, почувствовав себя крайне неудобно, предложил Олегу закончить игру. Что мы и сделали. Но, не считая отдельных недостатков, однако, следует признать вклад Анатолия Тарасова в становление армейского и отечественного хоккея, безусловно, весомым. Но отвлекся. Вернемся на просторы ГДР в район дислокации 20 гв. МСД.

Продолжение следует

Об авторе

Сафир Владимир Михайлович (род.1924). Полковник. В 1942 г. окончил Московскую 3-ю специальную артиллерийскую школу (в г. Прокопьевске), в феврале 1943 г. – 1-е Киевское артиллерийское училище им. Кирова (в г. Красноярске). С марта 1943 г. в звании лейтенанта на Западном фронте командир огневого взвода 557-го ПАП РГК (122-мм пушки А-19) 33-й армии.

Участник Парада Победы 24 июня 1945 года.

После окончания Военной академии бронетанковых войск до 1952 г. инженер по испытаниям новых образцов танков и САУ НИИ полигона БТ войск (пос. Кубинка, Московской обл.). С 1952 по 1958 г. – военный представитель ГБТУ и 4 ГУМО на промыш

ленных предприятиях (ЗИЛ, Карачаровский завод и др.) С 1958 г. в ГСВГ – старший военпред УНТВ, начальник танкотехнической службы 67-го гв. мотострелкового полка 20-й гв. мотострелковой дивизии. В 1963-1970 – старший офицер 3-го управления Генштаба. С 1970 по 1974 – заместитель, а с 1974 по 1985 гг. – начальник отдела заказов вооружения и военной техники Сухопутных войск 14-го управления МО (аппарат заместителя Министра обороны по вооружению). С июля 1985 г. в отставке.

Награжден орд. "Отечественной войны" 2-й ст., "За службу Родине" 3-й ст., медалями, в том числе "За отвагу".

Труды автора:

ВИА № 1 1997 с. 76-125. В.М.Сафир. Оборона Москвы. Нарофоминский прорыв 1-5 декабря 1941 года (что было и чего не было в действительности); ВИА № 3 1998 с. 259-284. А.Бирюков, В. Сафир. Во всем ли прав историк генерал армии М.А.Гареев?; ВИА № 10 2000 с. 84-164. В.М. Сафир. Генерал армии М.А.Гареев не приемлет факты и продолжает тиражировать мифы о Великой Отечественной войне; ВИА № 2(17) 2001 В.М.Сафир. ЦЕНА ПОБЕДЫ. Сосчитаем ли мы когда-нибудь безвозвратные потери в ВОВ; ВИА № 3(18) 2001 с. 64-106 В.М.Сафир. ЦЕНА ПОБЕДЫ. Сосчитаем ли мы когда-нибудь безвозвратные потери в ВОВ; ВИА № 7(22) 2001 с. 31-69. В.М.Сафир. ЦЕНА ПОБЕДЫ. О том, как в научном споре недостаток профессионализма возмещается клеветой и оскорблениями. Офшорная зона для исторических фальсификаций; ВИА № 7(43) 2003 с. 102-109. В. Сафир. К 6—ЛЕТИЮПРОХОРОВСКОГО СРАЖЕНИЯ. «Работа сделана, но с выводами согласиться не могу»; ВИА № 3(51) 2004 с. 64-90. В.М.Сафир. ВОЕННАЯ СТАТИСТИКА. Искушение мифами; ВИА № 9(57) 2004 с. 156-177. ПОЧТА РЕДАКЦИИ. В.Громов

(В.Сафир). Коллективная псевдореминисценция; ВИА № 6(67) 2005 с.163-191. В.М.Сафир. ИСПЫТАНИЕ ИСТИННОСТИ КНИЖНОГО ЗНАНИЯ ЖУРНАЛОМ. Еще раз о Прохоровском сражении. Две книги – два подхода; ВИА №4(88) 2007 с.4-25. В соавторстве С.Д.Митягин, В.М.Сафир. ДОСТОЙНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ ИЛИ «БРАКОНЬЕР РУССКОГО НАРОДА?». Боевые действия под Вязьмой в январе-апреле 1942 г. Операция или имитация?; ВИА № 9(93) 2007 с.135-161. В.М. Сафир. ОТРЫЖКИ ЖУКОВСКИХ ПОЛКОВОДЧЕСКИХ АМБИЦИЙ. Новые мифы о Великой Отечественной. Даты изготовления – 2006 год; ВИА № 10(94) 2007 с.135-161. В.М. Сафир. ОТРЫЖКИ ЖУКОВСКИХ ПОЛКОВОДЧЕСКИХ АМБИЦИЙ. Новые мифы о Великой Отечественной. Даты изготовления – 2006 год; ВИА №11(107) 2008 с. 62-79. В.М.Сафир. О чем молчат фотографии семейного фотоальбома – немые свидетели прекрасных и трагических событий 30-х годов; ВИА №12(108) 2008 с. 43-56. В.М.Сафир. О чем молчат фотографии семейного фотоальбома – немые свидетели прекрасных и трагических событий 30-х годов; ВИА №1(109) 2009 с. 163-172. В.М.Сафир. О чем молчат фотографии семейного фотоальбома – немые свидетели прекрасных и трагических событий 30-х годов. Ленинградская блокада.

В статье использованы фотокопии из архива автора В.М.Сафира и журнала «Военно-исторический архив»